

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТА И ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ КАК КЛЮЧЕВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ДОВЕДЕНИИ ДО САМОУБИЙСТВА

Е.В. Брянская¹, В.И. Самарин²

¹ Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Информация о статье

Дата поступления

6 марта 2019 г.

Дата принятия в печать

25 ноября 2019 г.

Дата онлайн-размещения

26 декабря 2019 г.

Ключевые слова

Суицид; ключевые доказательства; источники доказательств; юридическая сила доказательств; допустимые доказательства; недопустимые доказательства; прямые доказательства; косвенные доказательства; показания; оценка доказательств

Аннотация. В течение нескольких последних лет Беларусь и Россия стабильно входят в пятерку государств с высоким показателем самоубийств. Их всплеск был обусловлен деятельностью деструктивных групп в социальных сетях. Как показывает практика, производство по многим уголовным делам о преступлениях, связанных с суицидальными действиями, прекращается из-за отсутствия в деянии состава преступления. Соответственно, особое значение приобретает качественный сбор доказательств по данной категории уголовных дел. При анализе судебной практики по делам о доведении до самоубийства авторы пришли к выводу, что наиболее убеждающими доказательствами выступают заключения экспертов и свидетельские показания. Кроме того, важное доказательственное значение при расследовании уголовных дел суицидальной направленности имеют такие письменные документы, как медицинские карточки (истории болезни) суицидентов. При своевременном назначении и проведении экспертного исследования могут быть обнаружены признаки доведения до самоубийства, например применения физического насилия к потерпевшему либо инсценировки самоубийства. С учетом того что УПК в отдельных случаях предусматривает обязанность производить экспертизу по конкретному уголовному делу, такие заключения эксперта будут являться ключевым источником, видом доказательств, которые на уровне внутреннего убеждения судьи будут иметь достаточно весомую юридическую силу при их оценке в совокупности с другими доказательствами. Стало быть, мы можем рассуждать о тех доказательствах, которые будут иметь силу ключевых, и в то же время они должны быть взаимосвязаны с другими сведениями по уголовному делу, составлять единую картину преступления. В практическую сферу уголовного судопроизводства понятие «ключевые доказательства» ввел Европейский суд по правам человека. Анализ судебной практики позволил авторам предположить, что ключевые доказательства — это те сведения, которые выступают главным фактом и входят в предмет доказывания по уголовному делу. Этот вывод ни в коей мере не противоречит выработанному правилу свободной оценки доказательств: при оценке доказательств ни одно из них не имеет заранее установленной, предубеждающей юридической силы. Только при наличии гармонизации доказательств мы можем рассуждать о полноте расследования и объективной оценке доказательств.

EXPERT OPINION AND WITNESS TESTIMONY AS KEY EVIDENCE IN CRIMINAL CASES ON INCITEMENT TO SUICIDE

Elena V. Bryanskaya¹, Vadzim I. Samaryn²

¹ The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, the Russian Federation

² Belarusian State University, Minsk, Belarus

Article info

Received

2019 March 6

Accepted

2019 November 25

Available online

2019 December 26

Abstract. For the last five years Belarus and Russia have been among the top five countries for suicide indices. Their rise was caused by the activities of destructive groups in social networks. Experience shows that criminal proceedings for many criminal cases connected with suicides were terminated due to the absence of a crime. Thus, a thorough collection of evidence for this category of criminal cases becomes especially vital. When analyzing the court practice of incitement to suicide, the authors concluded that the most persuasive evidence is expert opinion and witness testimony. Besides, such written documents as medical cards (medical records) of potential suicides have high probative value in the investigation of criminal cases. Timely initiation and conduction

Keywords

Suicide; key evidence; sources of evidence; legal force of evidence; admissible evidence; inadmissible evidence; direct evidence; circumstantial evidence; assessment of evidence

of expertise could reveal signs of incitement to suicide, for example, using physical violence against the victim or a staged suicide. As the Criminal Procedure Code sometimes prescribes an expertise for a specific criminal case, such expert opinion will become a key source, a type of evidence that, at the level of a judge's inner conviction, will have significant legal force when assessed together with other evidence. Thus, it is possible to discuss evidence that has key value, but, at the same time, it should be connected with other information on the criminal case, and together they should make up an integral crime narrative. The European Court of Human Rights introduced a concept of «key evidence» in the practice of criminal proceedings. The analysis of court practice allowed the authors to suggest that key evidence is information that acts as the main fact and is included in the subject matter of the case. This conclusion does not contradict the rule of free assessment of evidence: during such assessment, none of the evidence has predetermined, preconceived legal force. Only when the evidence is harmonized, it is possible to talk about a comprehensive investigation and an objective assessment of evidence.

Различным аспектам доказывания посвящено достаточно много работ. Достаточно вспомнить концептуальные труды А.Р. Белкина, Л.Д. Кокорева, М.С. Строговича и др. Однако в процессе доказывания по отдельным категориям уголовных дел имеются особенности, которые подлежат теоретическому осмыслению. Доведение до самоубийства не раз становилось предметом исследования ученых-криминологов [1]. Учитывая трудности расследования на практике дел, связанных с самоубийством, и отсутствие глубоких научных разработок в сфере доказательств по таким делам, в настоящей работе предпринята попытка определения доказательств, носящих ключевой характер для раскрытия уголовных дел данной категории.

Проанализировав следственную и судебную практику по уголовным делам, возбужденным по факту самоубийства, можно заметить сложности, связанные с формированием по ним доказательственной базы. Именно доведение до самоубийства как самостоятельный состав преступления представило интерес в аспекте тех доказательств, которые кладутся в основу обвинительного приговора. Изученный эмпирический материал подтверждает, что отдельные источники доказательств можно относить к ключевым по указанной категории уголовных дел. При этом не отрицается, что доказательства не имеют заранее установленной юридической силы. Доказывание применяется по уголовным делам к конкретным жизненным случаям, в отношении которых осуществляются правоприменительные действия в связи с разрешением вопроса об уголовной ответственности. В процессе доказывания устанавливаются не любые, а, как правило, только те обстоятельства, на основе которых можно принять решение по уголовному делу, дав ответ на вопрос об уголовной ответственности конкретного лица. Собранные

таким образом фактические данные выступают именно в качестве ключевых доказательств. Однако независимо от того, что ключевые доказательства — это, как правило, те сведения, которые входят в предмет доказывания и являются главным фактом, оцениваются они без каких-либо преимуществ. То есть оценка доказательств осуществляется по правилам действующего законодательства, без какой-либо заранее установленной юридической силы и преимущества одного доказательства перед другим. Ключевые доказательства по конкретному уголовному делу оцениваются во взаимосвязи с другими доказательствами в целях обеспечения гармонизации в процессе оценки доказательств.

Особенность темы исследования заключается в том, что Беларусь и Россия входят в пятерку государств с высоким показателем самоубийств¹.

Статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ не отражает конкретные сведения по доведению до самоубийства, предусматривая данные по совокупности иных посягательств на жизнь человека (ст. 106–110 УК РФ, а с 2018 г. — ст. 106–110.2 УК РФ). За последние пять лет и первое полугодие 2018 г. цифры имеют тенденцию к снижению².

Однако, например, по статистическим данным Информационного центра ГУ МВД РФ по Иркутской области, имеет место рост количества рассматриваемых преступлений. Так, только за первое полугодие 2018 г. по суицидальным уголовным делам было зарегистрировано шесть фактов (из них установлено одно лицо, причастное к доведению до самоубийства), тогда как в 2014–2016 гг. — по два факта, в 2017 г. — пять

¹ Suicide Rate By Country 2019. URL: <http://world-populationreview.com/countries/suicide-rate-by-country>.

² Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

**Статистические данные по делам
о посягательствах на жизнь человека
за 2013 г. — первое полугодие 2018 г.
Statistical data on the cases of attempts
on the life of a person in 2013 —
first half of 2018**

Год / Year	Всего окончено дел / Completed cases, total	Осуждено / Convicted	Оправдано / Acquitted
2013	2 114	2 132	19
2014	2 029	1 865	22
2015	1 956	1 502	12
2016	1 868	1 714	24
2017	1 710	1 490	21
2018 (первое полугодие) / (first half)	886	705	8

(одно из пяти дел было направлено в суд)³. Отмечается, что в России ежемесячно от 70 до 100 детей заканчивают жизнь самоубийством [2].

Статистические данные на сайте МВД Республики Беларусь показывают рост числа зарегистрированных преступлений по ст. 145 («Доведение до самоубийства») Уголовного кодекса Республики Беларусь: в 2016 г. — 15, в 2017 г. — 18, за девять месяцев 2018 г. — 20. По ст. 146 УК Беларуси («Склонение к самоубийству») только в 2017 г. зафиксировано пять фактов.

Стоит, однако, признать, что данный вид преступлений может носить латентный характер в том числе и из-за неотграничения самоубийства от несчастного случая [3].

В этой связи следует разобраться с определением понятия «суицид», «самоубийство». Слово «суицид» произошло от лат. *sui caedere* — «убивать себя». Оно воспринято во многих языках: английское *suicide*, испанское и итальянское *suicidio*. В немецком языке применяют термин *Selbstmord*, который дословно означает «самоубийство». В белорусском языке используется термин «самагубства», который означает «самоуничтожение». В русском языке термин «самоубийство» стал применяться в 1704 г., раскрылся он в «Лексиконе триязычном» [4, с. 76].

Исходим из того, что самоубийство — это умышленное причинение человеком самому себе смерти [5]. Наиболее интересным представ-

ляется определение Д.Г. Трунова: «Суицид — это добровольное, самостоятельное, осознанное и в достаточной мере саморазрушительное действие, непосредственной и ближайшей целью которого является лишение себя жизни; чаще всего суицид выступает как реакция на психотравмирующую ситуацию, как способ разрешения внутреннего конфликта» [6, с. 67].

Самоубийство или суицид при анализе представленных в научной и публицистической литературе случаев видится в четырех его основных разновидностях: преднамеренное, аффективное, фарс и случайная гибель [7].

В связи со сказанным особое значение имеет исследование личности потерпевшего по уголовным делам, связанным с доведением до самоубийства. Вопрос заключается в индивидуализации личностных качеств жертвы, которая под воздействием жизненных обстоятельств порой не может справиться с проблемами и принимает решение о самоубийстве.

Как показывает практика, производство по многим уголовным делам о рассматриваемой категории преступлений прекращается из-за отсутствия в деянии состава преступления. Соответственно, особое значение приобретает качественный сбор доказательств по уголовным делам, связанным с доведением до суицида, что наиболее важно на первоначальных этапах расследования.

Законодатель пошел по верному пути, когда предоставил право на проведение экспертизы до возбуждения уголовного дела. Заключение эксперта позволяет правоприменителю правильно квалифицировать деяние. Именно проведение судебно-медицинской экспертизы позволит приблизиться к ответу на вопрос, имеет ли место доведение до самоубийства. При этом следует помнить, что сам эксперт не может ответить на этот вопрос, так как последний носит правовой характер и входит в предмет познания следователя и судьи. Уже на первоначальном этапе в результате проведения экспертного исследования могут быть обнаружены признаки доведения до самоубийства, например применения физического насилия к потерпевшему (наличие побоев и телесных повреждений различной степени тяжести) либо инсценировки самоубийства (к примеру, расположение странгуляционной борозды).

Большое значение имеет деятельность оперативно-разыскных служб, которые посредством опроса могут выявить связи погибшего и установить по горячим следам лицо, причастное к

³ URL: <https://38.xn--b1aew.xn--p1ai/gumvd/istorija/485>.

доведению до самоубийства. Эффективность расследования данного преступления зависит от организованности и слаженности работы сотрудников органов предварительного расследования.

В процессе доказывания условием законного и справедливого разрешения дела выступает мотивированность того или иного вывода по уголовному делу. Следовательно, предметом нашего исследования являются те ключевые доказательства, которые помогают увидеть при обнаружении трупа именно доведение до самоубийства, а не иной состав преступления.

Когда мы рассуждаем о ключевых доказательствах при доведении до самоубийства, то рассматриваем их в качестве тех сведений, которые могут послужить ключом к достижению истины. В практическую сферу уголовного судопроизводства понятие «ключевые доказательства» ввел Европейский суд по правам человека. В свете судебной практики можно полагать, что ключевые доказательства — это те сведения, которые выступают главным фактом и входят в предмет доказывания по уголовному делу.

Дело в том, что в следственной и судебной практике приоритет отдается отдельным источникам доказательств в зависимости от расследуемого уголовного дела, от его квалификации. В нашем случае — по тем составам преступлений, которые регламентированы ст. 110, 110.1, 110.2 УК РФ и ст. 145, 146 УК Беларуси.

Вполне резонно рассуждать о том, что по данным категориям уголовных дел те или иные источники доказательств являются ключевыми. В частности, если мы будем говорить о производстве экспертизы, то по факту доведения до суицида ее производство обязательно, и мы можем делать вывод о ключевом значении заключения эксперта.

Например, в ст. 196 УПК РФ и в ст. 228 УПК Республики Беларусь закреплено, что назначение и производство судебной экспертизы обязательны, если необходимо установить причину смерти. Соответственно, поскольку закон предусматривает обязанность производить экспертизу по конкретному уголовному делу, такие заключения эксперта будут являться ключевым источником, видом доказательств, которые на уровне внутреннего убеждения судьи будут иметь достаточно весомую юридическую силу при их оценке в совокупности с другими доказательствами на предмет относимости, допустимости, достаточности и достоверности.

Так, для установления предрасположенности к суицидальному поведению необходимо

определить психологическое и психическое состояние лица как до совершения самоубийства, так и в момент его совершения. С этой целью следователи назначают комплексную посмертную психолого-психиатрическую экспертизу. Специфика данного экспертного исследования состоит в том, что существует реальная потребность в специальных познаниях в области психологии и психиатрии. Однако возникает закономерный вопрос, как же возможно исследовать личность потерпевшего, если его нет в живых. Исключается реальность личного общения с жертвой, нельзя применить ни тестирование, ни наблюдение за потерпевшим. При производстве такой экспертизы объектами исследования выступают показания лиц, знавших потерпевшего, объяснения, характеризующий материал, личные дела, письма, предсмертные записки и иные материалы [8, с. 29]. В англоязычной литературе это действие носит наименование *psychological autopsy* (психологическое вскрытие) — следственное действие, в ходе которого эксперты анализируют материалы, созданные покойным (записи в дневнике, сделанные ранее заявления и т.д.), мнения родственников и друзей, полицейские и медицинские отчеты, чтобы выявить душевное состояние умершего до смерти [9]. Эта экспертиза может позволить обнаружить данные, свидетельствующие о манипуляции со стороны потерпевшего, например при парасуициде. Как указывается в литературе, нередко «жертвы» склонения к суициду манипулируют окружающими с целью получения помощи [10].

Для нас представил интерес пример из следственной практики, который изложил в своем научном исследовании эксперт П.А. Кокорин. Именно на данном примере мы увидим наличие взаимосвязанных и подтверждающих общий вывод по уголовному делу заключений экспертов.

Данный пример касается не простого самоубийства, а тройного. В результате предварительного расследования было установлено, что несовершеннолетние совершили кражу бензина со склада, чтобы заправить свой мотоцикл. Интересно то, что по факту самоубийства подростков было возбуждено уголовное дело в отношении сотрудников органов внутренних дел, которые своими угрозами спровоцировали самоубийство несовершеннолетних.

Была проведена судебно-медицинская экспертиза трупов подростков, в ходе которой установлено: смерть наступила от механической strangulation асфиксии, развившейся вследствие

сдавления органов шеи петлей при повешении. Каких-либо повреждений, кроме странгуляционной борозды на шее, при судебно-медицинском исследовании трупов не обнаружено.

Судебно-химической экспертизой было установлено, что в крови у подростков алкоголь и наркотические вещества не обнаружены.

Посмертной судебно-психиатрической экспертизой выяснено, что психическими расстройствами подростки не страдали.

Судебной практике известны факты, когда при экспертном исследовании предсмертных записок было установлено, что почерк не принадлежит потерпевшему, значит, можно рассуждать об инсценировке самоубийства. В этой связи существенное значение приобретает почерковедческая экспертиза. По анализируемому уголовному делу судебно-почерковедческая экспертиза подтвердила факт написания предсмертных записок потерпевшими.

Криминалистическая потожировая экспертиза достоверно установила факт наложения петель веревки на шеи подростков. Один из вопросов, который интересовал следователя, заключался в том, имели ли потерпевшие возможность самостоятельно произвести привязывание веревок к балкам, на которых они впоследствии совершили повешение, и имелась ли возможность у погибших совершить повешение без посторонней помощи, а если да, то что указывает на это.

С этой целью следователем была назначена ситуационная экспертиза. Ситуационной экспертизой установлено, что «потерпевшие М., Б. и Ц. имели возможность самостоятельно произвести привязывание веревок к балкам, на которых они впоследствии совершили повешение. М., Б. и Ц. имели возможность совершить повешение без посторонней помощи. Причем, вероятно, все трое одновременно прыгали с забора, взявшись за руки [11].

На примере данного уголовного дела для нас очевидно то, что достаточно весомым аргументом при его расследовании выступили заключения экспертов. В частности, эксперты установили причину смерти. Кроме того, такое следственное действие, как следственный эксперимент, позволило определить относительно возможности доведения потерпевших до самоубийства сотрудниками органов уголовного преследования.

В УПК РФ закрытый перечень источников доказательств, и все-таки экспертиза — это такое процессуальное действие, которое имеет как процессуальное разнообразие (первоначаль-

ная, дополнительная, повторная, комплексная, комиссионная), так и отраслевое (к примеру, только к судебно-медицинским относят широкий перечень экспертиз, таких как экспертиза трупа, состояния здоровья человека, вещественных биологических доказательств, судебно-психиатрическая, судебно-психофизиологическая и др.). Думается, поэтому специальные познания помогают нам проявить оригинальность в подборе экспертных способов установления обстоятельств произошедшего события, что помогает установить истину по уголовному делу.

К примеру, в Беларуси при рассмотрении судом исследуемой категории уголовных дел специальные познания могут использоваться не только в ходе экспертного исследования. Практике известны случаи допроса в качестве свидетелей так называемых сведущих лиц. Так, при рассмотрении Минским областным судом уголовного дела по факту гибели рядового А. Коржича в качестве свидетеля в суде был допрошен заведующий кафедрой судебной медицины БГМУ, который, основываясь на данных из учебной и научной литературы, описывал случаи, когда самоубийцы связывали себе руки и ноги перед повешением, отмечая общую вычурность обстоятельств, которая, по его мнению, может говорить о самоубийстве [12]. Хотя процессуалисты видят в использовании показаний таких лиц отголоски англо-американской практики *amicus curiae* и относятся к ним настороженно [13] с учетом того, что УПК Беларуси не знает допроса специалиста.

Доказательная основа при рассмотрении дела о доведении до самоубийства, безусловно, должна складываться из показаний свидетелей. Считаем целесообразным привести в качестве примера уголовное дело № 1-46/2017, рассмотренное Красноперекопским районным судом Республики Крым. Подсудимый Ф.1 доводил свою мать до самоубийства путем угроз, жестокого обращения и систематического унижения человеческого достоинства на почве личных неприязненных отношений, из-за того, что его мать (потерпевшая Ф.2) мешала ему своим присутствием жить в доме, в связи с чем у Ф.1 возник преступный умысел, направленный на доведение матери до самоубийства. В частности, по свидетельским показаниям лиц, которые проживали по соседству, Ф.1 оскорблял потерпевшую нецензурными словами и выражениями, чем унижал человеческое достоинство Ф.2, применял насилие («схватил руками за шею, отбросил, она ударилась об угол дома, упала на землю, испытывала физическую боль»). Ф.2, находясь в подавленном

состоянии, с целью лишения себя жизни выпила неустановленную отравляющую жидкость, однако довести свои намерения до конца не сумела вследствие возникшего рвотного рефлекса. Тогда Ф.1 вывел Ф.2 за двор и топором стал угрожать убийством. Затем Ф.2 приняла крысиный яд, в результате чего снова случился рвотный рефлекс. Ф.1 начал угрожать ножом, молотком, эти угрозы приобрели характер травли. Потерпевшая, опасаясь дальнейшего издевательства, жестокого обращения, была доведена до отчаяния, в результате чего снова употребила крысиный яд. Ей была вовремя оказана медицинская помощь. В итоге уголовное преследование и уголовное дело в отношении Ф.1 в совершении преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, в связи с примирением сторон были прекращены. Фактически имело место физическое принуждение лица к самоубийству, когда жертва была лишена возможности проявить свою волю⁴.

Все действия подсудимого носили угрожающий и демонстративный характер, в свете чего по данному уголовному делу ключевыми доказательствами выступают показания как потерпевшей, так и свидетелей произошедшего.

Рассмотрим еще один пример из судебной практики, сущность которого сводится к тому, что Д. довел свою супругу до самоубийства путем угроз, жестокого обращения и систематического унижения ее достоинства.

Преступление было совершено при следующих обстоятельствах. В течение достаточно длительного времени Д., являясь супругом Ф.2, имел к ней личные неприязненные отношения. Осознавая общественную опасность своих действий, предвидя, что в силу нахождения в законном браке, а также в связи с наличием общей несовершеннолетней дочери, учитывая то, что Ф.2 находилась в зависимом от него положении, что в результате жестокого обращения с ней, а также систематического унижения ее достоинства, Ф.2 может совершить самоубийство, но относясь безразлично к указанным последствиям своего противоправного поведения, Д. жестоко обращался с ней путем применения физического насилия. По показаниям очевидцев, унижения носили систематический характер. Д. оскорблял Ф.2 грубой нецензурной бранью, запрещал пользоваться мобильным телефоном, социальными сетями, ограничивал в социальных связях, контактах с родственниками и знакомыми, запрещал само-

стоятельно выбирать для себя одежду, пользоваться косметикой, ходить куда-либо по своим делам без его разрешения, чем причинял потерпевшей психические страдания, формировал в ней постоянное чувство подчинения, депрессию и психологически подавленное состояние.

По данному уголовному делу обращает на себя внимание проблема, возникшая при квалификации преступного деяния. Ситуация заключалась в том, что органами предварительного расследования действия обвиняемого были квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 110 и ч. 1 ст. 17 УК РФ. Однако в судебном заседании государственный обвинитель отказался от обвинения в части, поскольку деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 117 УК РФ, были способом совершения преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ.

В основу обвинительного приговора были заложены следующие доказательства, которые можно отнести к ключевым. Основную часть составляют свидетельские показания и заключения экспертов. Имела место предсмертная записка, которая, скорее всего, была написана под диктовку подсудимого.

В процессе исследования доказательств судом были учтены свидетельские показания дочери потерпевшей и подсудимого, которая рассказала о конфликтах между родителями, об избиении матери. Интерес представили свидетельские показания брата подсудимого, который дал ему характеристику «страшного и жестокого человека, который ищет повод конфликтовать», рассказал о том, что подсудимый угрожал потерпевшей убийством. Свидетель Ф.14 дала свидетельские показания о депрессивном состоянии, об апатии потерпевшей. Экспертами был исследован почерк в предсмертной записке потерпевшей, по которому не было выявлено состояния психологического давления. Из заключения судебно-медицинской экспертизы очевидна причина смерти — острое отравление таблетками «Но-шпа». Судом было проанализировано заключение эксперта по факту кровоподтеков на плечах, голени потерпевшей, которые возникли в результате предполагаемых ударов руками, ногами за пять — десять суток до наступления смерти. Заключение судебно-психиатрической экспертизы личности подсудимого было установлен высокий уровень внутреннего напряжения с тенденцией к агрессивности⁵.

⁴ Приговор по уголовному делу Красноперекопского районного суда Республики Крым № 1-46/2017. URL: <https://sudrf.ru>.

⁵ Уголовное дело № 1-12/2018 1-414/2017 от 14 июня 2018 г. URL: <https://sudrf.ru>.

Важное доказательственное значение при расследовании уголовных дел суицидальной направленности имеют медицинские карточки (истории болезни) суицидентов [14, С. 66] как письменные документы. Так, склонение к самоубийству может базироваться на тяжелом заболевании потерпевшего.

Для расследования преступлений, сопряженных с деятельностью групп смерти, активно стали применяться цифровые доказательства, как изымаемые из оборудования потерпевших и обвиняемых, так и запрашиваемые у провайдеров соответствующих услуг (информация о создании учетных записей в социальных группах, переписка и снимки с экрана телефонов, сведения о соединениях и т.д.), трансформируемые в вещественные⁶. Наличие цифровых следов помогает в раскрытии исследуемой категории преступлений, так как простое предоставление информации о способах суицида, когда сложно представить доказательства о «существенном уровне пособничества» в совершении самоубийства, является проблемой [15].

В Великобритании в помощь обвинителю разработаны методические указания, касающиеся дел о склонении к суициду либо помощи в его совершении, в которых указано на необходимость сбора детальной информации о дееспособности лица, совершившего или пытавшегося совершить самоубийство⁷. В Республике Узбекистан действует постановление Пленума Верховного Суда «О судебной практике по делам о доведении до самоубийства» от 11 сентября 1998 г. № 20, в котором разъясняются термины, формирующие элементы состава данного преступления, что является важным для формирования предмета доказывания по конкретному уголовному делу, связанному с доведением до самоубийства. В постановлении также отмечена необходимость в каждом случае устанавливать причины и условия, способствовавшие совершению этих преступлений, и принимать меры к их устранению. Думается, белорусские и российские правоприменители в силу самобытного и самостоятельного формирования правосознания в их государствах в состоянии дать свои ориентиры в процессе доказывания по уголовным делам, связанным с суицидом, в частности по во-

просам тех доказательств, которые являются основополагающими по такой категории уголовных дел, в зависимости от объективного анализа отечественной следственной и судебной практики.

Следует согласиться с мнением ученых о том, что и научные познания в области суицидологии способствуют эффективному осуществлению уголовно-процессуальной деятельности по исследованию доказательственной базы при расследовании доведения до самоубийства. Например, суицидология раскрывает социальные воздействия на личность совершившего суицид. Кроме того, важное значение имеют суицидологические классификации, которые помогают в определении возрастных групп суицидентов и в выяснении обстоятельств, наиболее характерных для самоубийств представителей каждой из них; именно суицидология выделяет следовые особенности, присущие рациональным и аффективным самоубийствам; научные познания в области суицидологии предоставляют возможность более полно осуществить проверку вероятных причин совершения самоубийства [16]. Все эти обстоятельства входят в предмет доказывания по уголовному делу и устанавливаются различными процессуальными действиями.

Итак, поскольку предмет доказывания по уголовному делу формирует границы доказывания, его пределы, мы можем рассуждать о необходимости установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, поэтому правоприменитель должен собирать доказательства посредством такого перечня процессуальных действий, которые будут свидетельствовать о полноте расследования, что сможет обеспечить законный и обоснованный вывод по уголовному делу.

В этой связи будет рациональным выразить мнение о гармонизации доказательств, отлично понимая, что при расследовании уголовных дел по факту доведения до самоубийства показания очевидцев и заключение эксперта выступают необходимыми ключевыми доказательствами, которые должны быть получены в обязательном порядке. Производство экспертизы должно осуществляться с соблюдением требований применения подлинно научных методов, обеспечивающих научную обоснованность выводов, в свете процессуальной формы, закрепленной в законе [17, с. 62]. Однако в уголовно-процессуальной литературе предлагаются различные взгляды на стандарты процесса доказывания. Нелегко сказать о том, что по определенной категории уголовных дел может быть предусмотрен лимит доказательств, учитывая то,

⁶ Приговор по уголовному делу Урванского районного суда Кабардино-Балкарской Республики № 1-66/2018. URL: <https://sudrf.ru>.

⁷ Policy for Prosecutors in Respect of Cases of Encouraging or Assisting Suicide. URL: <https://www.cps.gov.uk/legal-guidance/suicide-policy-prosecutors-respect-cases-encouraging-or-assisting-suicide>.

что в науке уголовного процесса под доказыванием рассматривается установление при помощи доказательств всех обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовного дела [18, с. 295].

Каждый правоприменитель определяет целесообразные средства доказывания по уголовному делу. Единственное условие заключается в необходимости соответствия процесса доказывания тем свойствам, которым должны отвечать доказательства: относимости, допустимости, достаточности, достоверности.

На законодательном уровне мы предлагаем учитывать и взаимосвязь доказательств. Все доказательства по уголовному делу должны быть взаимообусловлены [19, с. 48]. С одной стороны,

по уголовному делу не должно быть «информационного шума», с другой — в суд необходимо представить такой объем доказательств, который позволил бы делать вывод о полноте расследования. В этой связи мы должны иметь в виду, что в уголовно-процессуальном законе предусмотрены обстоятельства, подлежащие собиранию в обязательном порядке. Таким образом, по уголовным делам, связанным с суицидальными действиями, особое значение придается показаниям свидетелей и письменным документам (медицинские карточки (истории болезни) суицидентов), а также заключениям экспертов, которые расцениваются как косвенные доказательства, но имеют значение ключевых.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бычкова А.М. Доведение до самоубийства посредством использования интернет-технологий: социально-психологические, криминологические и уголовно-правовые аспекты / А.М. Бычкова, Э.Л. Раднаева. — DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(1).101-115 // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12, № 1. — С. 101–115.
2. Тен С. «Группы смерти» в соцсетях — это подстрекательство к самоубийству / С. Тен. — URL: http://sergeyten.ru/news/agenda/sergey_ten_gruppy_smerti_v_sotssetyakh_eto_podstrekatelstvo_k_samoubiystvu.
3. Ohlendorf D. Suizid. WHO fordert mehr Prävention / D. Ohlendorf, M. Bundschuh, D. Quarcoo. — DOI: 10.1007/s40664-014-0083-8 // Zentralblatt für Arbeitsmedizin, Arbeitsschutz und Ergonomie. — 2015. — Heft 65, Ausg. 1. — S. 43–44.
4. Антонова О.Г. Теоретические основы изучения самоубийства как социального явления / О.Г. Антонова, Р.И. Жидков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2014. — № 4 (32). — С. 75–84.
5. Волконская Е.К. Предупреждение доведения до самоубийства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.К. Волконская. — Рязань, 2011. — 193 с.
6. Трунов Д.Г. Определение суицида: поиск критериев / Д.Г. Трунов // Суицидология. — 2016. — Т. 7, № 1. — С. 64–67.
7. Гизатулина А.А. Суицид в структуре самоубийства (категорийно-мотивационная структура самоубийства) / А.А. Гизатулина, А.А. Тараданов // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 13 (304). — С. 25–32.
8. Коваленко А.Б. Опыт использования судебно-психологических экспертиз в ходе расследования уголовных дел (по материалам военной прокуратуры) / А.Б. Коваленко, Ю.Ф. Малинина // Эксперт-криминалист. — 2006. — № 1. — С. 27–32.
9. McGorrery P. Causing Someone Else to Commit Suicide: Incitement or Manslaughter? / P. McGorrery, M. McMahon. — DOI: 10.1177/1037969X18802455 // Alternative Law Journal. — 2019. — Vol. 44, iss. 1. — P. 23–28.
10. Zavala C. Manslaughter by Text: Is Encouraging Suicide Manslaughter? / C. Zavala // Seton Hall Law Review. — 2017. — Vol. 47, iss. 1. — P. 297–327.
11. Кокорин П.А. Некоторые аспекты расследования тройного самоубийства подростков / П.А. Кокорин // Сибирский юридический вестник. — 2006. — № 3. — С. 70–74.
12. Борисевич К. «Самоубийцы не знают все механизмы смерти и связывают себе руки». По делу Коржича выступил эксперт / К. Борисевич. — URL: <https://news.tut.by/society/610737.html>.
13. Гридюшко П.В. Друг суда (amicus curiae) — новый участник уголовного процесса? / П.В. Гридюшко // 1-е Минские криминологические чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 20 дек. 2018 г. В 2 ч. Ч. 2. — Минск, 2018. — С. 60–66.
14. Weber M. Die Strafrechtliche Beurteilung des Suizides Während des Stationären Aufenthaltes in Einer Psychiatrischen Klinik / M. Weber. — URL: https://www.unilu.ch/fileadmin/fakultaeten/rf/institute/staak/MAS_Forensics/dok/Masterarbeiten_MAS_5/Weber_Martina.pdf.
15. Sweeney S. Deadly Speech: Encouraging Suicide and Problematic Prosecutions / S. Sweeney // Case Western Reserve Law Review. — 2017. — Vol. 67, iss. 3. — P. 941–977.
16. Лисовецкий А.Л. Суицидология и криминалистика: пути взаимодействия / А.Л. Лисовецкий, Л.В. Бертовский, В.М. Поздняков // Суицидология. — 2018. — Т. 9, № 1 (30). — С. 80–87.
17. Веретенникова Е.В. Доказательственное значение судебно-психологической экспертизы в суде первой инстанции / Е.В. Веретенникова // Итоги и перспективы развития судебной реформы в Российской Федерации : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Иркутск, 2012 г. — Иркутск, 2012. — С. 59–62.
18. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. В 2 т. Т. 1 / М.С. Строгович. — Москва : Наука, 1968. — 468 с.
19. Брянская Е.В. Взаимосвязь доказательств в процессе доказывания по уголовному делу / Е.В. Брянская // Сибирские уголовно-процессуальные и криминологические чтения. — 2017. — № 3. — С. 44–51.

REFERENCES

1. Bychkova A.M., Radnaeva E.L. Incitement to Suicide with the Use of Internet Technologies: Socio-Psychological, Criminological and Criminal Law Aspects. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 12, no. 1, pp. 101–115. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(1).101-115. (In Russian).

2. Ten S. «Gruppy smerti» v sotssetyakh — eto podstrekatel'stvo k samoubiistvu [«Groups of death» in social networks is incitement to suicide]. Available at: http://sergeyten.ru/news/agenda/sergey_ten_gruppy_smerti_v_sotssetyakh_eto_podstrekatelstvo_k_samoubiistvu. (In Russian).
3. Ohlendorf D., Bundschuh M., Quarcoo D. Suizid. WHO fordert mehr Prävention. *Zentralblatt für Arbeitsmedizin, Arbeitsschutz und Ergonomie*, 2015, Heft 65, Ausg. 1, S. 43–44. DOI: 10.1007/s40664-014-0083-8. (In German).
4. Antonova O.G., Zhidkov R.I. Theoretical Basis of Studying Suicide as a Social Phenomenon. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki = University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*, 2014, no. 4 (32), pp. 75–84. (In Russian).
5. Volkonskaya E.K. *Preduprezhdenie dovedeniya do samoubiistva. Kand. Diss.* [Prevention of Incitement to Suicide. Cand. Diss.]. Ryazan, 2011. 193 p.
6. Trunov D.G. The Definition of Suicide: Description of Criteria. *Suitsidologiya = Suicidology*, 2016, vol. 7, no. 1, pp. 64–67. (In Russian).
7. Gizatulina A.A., Taradanov A.A. Suicide in the Structure of Self-killing (Categorical-Motivational Structure of Suicide). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2013, no. 13 (304), pp. 25–32. (In Russian).
8. Kovalenko A.B., Malinina Yu.F. The experience of using forensic psychological examination in the investigation of criminal cases (on the materials of military prosecutor's office). *Ekspert-kriminalist = Expert-Criminalist*, 2006, no. 1, pp. 27–32. (In Russian).
9. McGorrery P., McMahon M. Causing someone else to commit suicide: Incitement or manslaughter? *Alternative Law Journal*, 2019, vol. 44, iss. 1, pp. 23–28. DOI: 10.1177/1037969X18802455.
10. Zavala C. Manslaughter by Text: Is Encouraging Suicide Manslaughter? *Seton Hall Law Review*, 2017, vol. 47, iss. 1, pp. 297–327.
11. Kokorin P.A. Some Aspects of Suicide Investigation Committed by 3 Teenagers. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2006, no. 3, pp. 70–74. (In Russian).
12. Borisevich K. «Samoubiitsy ne znayut vse mekhanizmy smerti i svyazyvayut sebe ruki». *Po delu Korzhicha vystupil ekspert* [«Suicides do not know all the mechanisms of death and tie their own hands». An expert testified in Korzhich's case]. Available at: <https://news.tut.by/society/610737.html>. (In Russian).
13. Gridyushko P.V. Amicus Curiae — a New Participant in the Criminal Process? *1-e Minskii kriminalisticheskie chteniya. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Minsk, 20 dekabrya 2018 g.* [1st Minsk Criminalistic Readings. Materials of International Scientific and Practical Conference, Minsk, December 20, 2018]. Minsk, 2018, pt. 2, pp. 60–66. (In Russian).
14. Weber M. *Die Strafrechtliche Beurteilung des Suizides Während des Stationären Aufenthaltes in Einer Psychiatrischen Klinik*. URL: https://www.unilu.ch/fileadmin/fakultaeten/rf/institute/staak/MAS_Forensics/dok/Masterarbeiten_MAS_5/Weber_Martina.pdf.
15. Sweeney S. Deadly Speech: Encouraging Suicide and Problematic Prosecutions. *Case Western Reserve Law Review*, 2017, vol. 67, iss. 3, pp. 941–977.
16. Lisovetski A.L., Bertovsky L.V., Pozdnyakov V.M. Suicidology and Criminalistics: ways of Interaction. *Suitsidologiya = Suicidology*, 2018, vol. 9, no. 1 (30), pp. 80–87. (In Russian).
17. Veretennikova E.V. Probative value of forensic psychological examination in the court of first instance. *Itogi i perspektivy razvitiya sudebnoi reformy v Rossiiskoi Federatsii. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Irkutsk, 2012 g.* [Results and Prospects of Judicial Reform in the Russian Federation. Materials of All-Russian Research Conference, Irkutsk, 2012]. Irkutsk, 2012, pp. 59–62. (In Russian).
18. Strogovich M.S. *Kurs sovetskogo ugovnogo protsessa* [Course of the Soviet Criminal Process]. Moscow, Nauka Publ. Vol. 1. 468 p.
19. Bryanskaya E.V. Interrelation of Evidence in the Process of Proof of Criminal Proceedings. *Sibirskie ugovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Process and Criminalistic Readings*, 2017, no. 3, pp. 44–51. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Брянская Елена Васильевна — доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, кандидат юридических наук, доцент, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: veret.1976@mail.ru.

Самарин Вадим Игоревич — доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, г. Минск, Республика Беларусь; e-mail: samarynv@bsu.by; SPIN-код: 6996-8553; ORCID ID: 0000-0002-5315-4770; Researcher ID: A-2159-2019.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Брянская Е.В. Заключение эксперта и показания свидетелей как ключевые доказательства по уголовным делам о доведении до самоубийства / Е.В. Брянская, В.И. Самарин. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(6).971-979 // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 6. — С. 971–979.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bryanskaya, Elena V. — Ass. Professor, Chair of Criminal Process and Criminalistics, the Herzen State Pedagogical University of Russia, Ph.D. in Law, Professor, Saint Petersburg, the Russian Federation; e-mail: veret.1976@mail.ru.

Samaryn, Vadzim I. — Ass. Professor, Chair of Criminal Procedure, Belarusian State University, Ph.D. in Law, Minsk, Belarus; e-mail: samarynv@bsu.by; SPIN-code: 6996-8553; ORCID ID: 0000-0002-5315-4770; Researcher ID: A-2159-2019.

FOR CITATION

Bryanskaya E.V., Samaryn V.I. Expert opinion and witness testimony as key evidence in criminal cases on incitement to suicide. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 6, pp. 971–979. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(6).971-979. (In Russian).